

— Я не хочу приходить. - Ся Сицин довольно прямо отверг Ся Сюцзэ, который без причины умирал* во время телефонного звонка.

[{* 自杀 - yàosǐyàohúó - отчаянно, сильно, ужасно, безрассудно, не заботясь о последствиях, самоубийственно.}]

Ся Сюцзэ неистово бомбардировал его WeChat с тех пор, как он всё ещё был в Шанхае, каждый раз похожим контентом, умоляя его вернуться и провести с ним его день рождения.

— Кто ещё присутствует на этом ужине, кроме тебя?

Дрожащий голос Ся Сюцзэ донёлся из его наушников, а Ся Сицин подошёл к лифту:

— Вы все знаете, что они уедут, но вы должны позволить мне уйти. Разве это не неудобно - чувствовать себя несчастным?

Когда лифт поднялся, голос Ся Сюцзэ тоже повысился, кокетливый и игривый, Ся Сицин нахмурился.

— Разве это не просто день рождения? Давайте просто пройдем через это.

Золотая дверь лифта медленно открылась.

— Только мы вдвоём, или ты можешь позвать своих маленьких одноклассников вместе, столько людей, сколько захочешь, я соберу тебя...

Прежде чем эти слова были закончены, Ся Сицин, который как раз собирался выходить из лифта, был снова втолкнут обратно в лифт.

— Чёрт... - Отреагировал Сицин, когда понял, что человеком, который прижал его к внутренней стенке лифта, был Чжоу Цзихэн.

Ся Сюцзэ безостановочно кричал на том конце провода, как испуганный цыплёнок.

[Брат, что с тобой не так! Старший брат! Старший брат!]

Было слишком шумно.

Ся Сицин снял один из наушников, протянул руку, указательным пальцем потеряв подбородок Чжоу Цзихэна, и молча изобразил форму рта.

[Что ты делаешь?]

Причина, по которой Ся Сицин задал этот вопрос, была исключительно из-за стиля путешествий Чжоу Цзихэна. На нём были очки в чёрной оправе, тёмно-серая повседневная спортивная одежда, кепка, плотно закрывающая лицо, и чёрная маска. Он не знал, идёт ли Цзихэн на занятия или на работу. В любом случае, вся его личная одежда – студенческая, и большинство мальчиков в университетском городке носят её именно так.

Модное завершение близко к лицу.

Он приблизился к ушам Ся Сицина без наушников и намеренно понизил голос, и запах духов, полный мальчишеской энергии, внезапно проник в носовую полость Ся Сицина.

— Можно мне поцеловать тебя?

Если бы то, что он сказал, было «Я хочу поцеловать тебя», Ся Сицин бы вскочил и поцеловал его без колебаний, но этот парень на самом деле использовал просьбу, тон как у ребёнка, который накануне Рождества просит подарок, отказаться невозможно.

Ся Сюцзэ всё ещё с тревогой спрашивал на том конце провода, что делало частоту сердцебиения Ся Сицина хаотичной.

Дети, которые не стали дожидаться разрешения, решили забрать подарок сами.

Чжоу Цзихэн протянул руку, взъерошил волосы Ся Сицина и поцеловал его в губы через маску. Единственная пара глаз, которую было видно, были изогнуты в виде двух скоплений полумесяцев, полных счастья после успеха.

Такой невинный игровой процесс стал слабостью такого старого гонщика, как Ся Сицин.

Чжоу Цзихэн взял наушники, которые снял Ся Сицин, и маленький микрофон с проводным управлением был близко ко рту, с улыбкой в голосе.

— С днём рождения, Одзава.

Голос в микрофоне сразу успокоился и стал заикающимся. Ся Сицин взял наушники из рук Чжоу Цзихэна:

— Кто ещё это может быть, это твой брат Цзихэн.

Очевидно, это был дразнящий тон, но как только прозвучали эти четыре слова, Чжоу Цзихэн не

мог перестать радоваться, и уголки его рта под маской отчаянно приподнялись. Как только он счастлив, он хочет сделать счастливыми и других.

Ся Сицин поговорил со своим братом по телефону, похлопав Чжоу Цзихэна по руке:

— Ты спускайся, я иду домой.

— Подожди минутку. - Чжоу Цзихэн засунул руки в карманы пальто, и раздался шуршащий звук.

Ся Сицин всё ещё чувствовал себя необъяснимо. Кто знал, что Чжоу Цзихэн достанет много конфет и сунет их в руку Ся Сицина.

— Что ты делаешь?

— Я дал тебе сахар. - Тон голоса Чжоу Цзихэна повысился, хотя ему было скучно в его маске.

Он добавляет немного сахара в свой организм каждый раз, когда работает, чтобы восполнить энергию, когда уже слишком поздно есть.

Но он чувствует, что сегодня полон энергии и ему больше не нужен сахар.

— Наивный. - Ся Сицин с улыбкой посмотрел в его прищуренные глаза, вздохнул, сунул конфеты в карман и обернулся с безжалостным видом. Дойдя до двери, он достал один, поспешно разорвал бумагу и засунул в рот.

Ириска со вкусом апельсина, сладкая. Это был полностью сам Чжоу Цзихэн.

Ся Сюцзэ всё ещё не вешал телефон. На этом конце его голос становился всё более и более жалобным, и он чуть не заплакал. Ся Сицин прошёл в конец гостиной и раздвинул все шторы сразу.

Солнце проникало сквозь окна от пола до потолка, обнимая его, как сладкая сахарная вода обнимает лепестки апельсина в банке.

Погода постепенно становится всё жарче, и вот-вот наступит сезон, который Ся Сицин ненавидит больше всего. Но каким-то образом он стал ненормальным.

На мгновение ему действительно захотелось испытать ощущение, нахождения лета с Чжоу Цзихэном.

— Хорошо. Просто поешь. - Ся Сицин был ненормальным до мягкости, и, конечно же, сладости могут влиять на эмоции людей. — Не плачь, я предупреждаю тебя.

Ся Сицин давно хотел открыть свою собственную выставку живописи в Китае, но с вещами, которые он недавно нарисовал, что-то не так. Сумасшедшие и мрачные цвета смягчились и стали мягкими и липкими. Мазки кисти потеряли свою уникальную чёткость, и люди не могут не думать об осколках обожжённого стекла.

Это заставило его почувствовать себя неловко. В любое время перемены всегда вызывают беспокойство.

Он вспомнил журнал, в котором он снялся с Чжоу Цзихэном в прошлый раз. Казалось, что он уже вышел. Он подумал о том, заказать ли его. Только тогда он узнал на Weibo, что официальный блог журнала опубликовал рекордный предпродажный праздничный блог. 100 000 копий были разобраны за 1 секунду, а 150 000 копий были распроданы за 6 секунд.

Это действительно страшно... Ся Сицин легко нажимал на комментарии, и всё это было карнавалом девушек-самоучек.

Недавно произошла очень печальная вещь. В средней школе небольшого южного города над мальчиком издевались из-за гендерных когнитивных нарушений, и в конце концов он решил покончить с собой.

Накал этого вопроса невозможно унять. Некоторые люди обсуждают позитивные действия меньшинств, а некоторые осуждают тех, кто применяет насилие в школах.

Каким-то образом видеозапись Чжоу Цзихэна, ставящего под сомнение категорию «нормальных» во время интервью для журнала, снова была опубликована маркетингом Бо, и это стало материалом для нового раунда жарких дискуссий среди пользователей сети, особенно ЛГБТ-сообщества.

[everything21: Я не фанат Чжоу, но я был шокирован его словами. Я чувствую, что сейчас действительно мало звёзд с такими идеями. Многие люди, которые даже не могут распознать слова, стесняются, когда говорят. Чжоу Цзихэн достоин быть тираном Университета Р, и вдруг хочет обратить в свою веру фанатов.]

[Я не ем дыни, я ем тебя: Чжоу Цзихэн, эти вопросы настолько хороши, что я даже не могу внезапно придумать ответ. Что нормально, а что ненормально? Никто не имеет права определять это, не говоря уже о том, чтобы наказывать других под лозунгом «Ты ненормальный».]

[Хэнхэн Два метра пять дюймов: Чжоу Цзихэн действительно редкая звезда, которая готова думать о социальных и гуманистических проблемах. Хотя он молод, он прожил более глубоко, чем многие люди. Очевидно, что он может положиться на это лицо, чтобы играть в драмах об

идолах, но он рассматривает миссию передачи веры как миссию стать актёром. Такой мальчик – просто ребёнок.]

[Кто сказал, что я дурак: Когда я услышал парадокс дальтонизма, я понял, что здесь сидит король.]

[Хи Хи Хи Хи Хи: Честно говоря, многие знаменитости даже не знают, каково определение парадокса...]

[Венни Хи: Последнее предложение очень трогательное. Мы были рождены, чтобы быть самими собой.]

[3443122: В этом мире действительно слишком много стереотипов. Мальчиков, которые любят немного принарядиться, ругают как матерей. Желание отращивать длинные волосы зависит от внешнего вида людей. Хотя я не фанат этих маленьких свежачков, некоторые люди ругают их каждый раз. Это слишком неприятно слышать. Их внешний вид – это всё, что нужно для работы. Зачем использовать внешний вид для определения личности. Такое сравнение действительно приводит к тому, что Жуйси боготворил Чжоу Цзихэна.]

[Самообучение выходит замуж сегодня: Три точки зрения самообучения всегда были очень позитивными. До этого я слышал от друга из университета П, что он изучал философию на первом курсе. Тема рге в конце семестра – это то, что такое хорошая моральная система. Я помню, что студенты станции В. Я настоятельно рекомендую Amway всем. Когда он проходил рге, он был действительно привлекательным.]

Что такое хорошая моральная система...

Ся Сицин внезапно немного заинтересовался и захотел посмотреть, каким был Чжоу Цзихэн в то время. Он включил компьютер, поискал ключевые слова и, наконец, нашёл это видео двухлетней давности. Фотограф, вероятно, одноклассник, сидящий в первом и втором рядах. Если смотреть снизу вверх, ноги Чжоу Цзихэна чрезмерно длинные, а на экране полно экранов с поразительной длиной ног.

Подготовительное время Чжоу Цзихэна составляло в общей сложности всего сорок минут. Весь английский язык был изъят из рукописи. РРТ был составлен очень лаконично и полностью соответствовал научно-техническому принципу «Бритвы Оккама*».

[{* Бритва Оккама – это способ найти самое простое и логическое объяснение происходящему. В качестве классического примера можно привести выражение: «если вы слышите звук копыт, то скорее всего это будут лошади, а не зебры».}]

На нём более официальная белая рубашка с манжетами до предплечий, а его волосы немного короче, чем сейчас. Он стоит под огромной проекцией и время от времени переступает длинными ногами. Задавая вопросы аудитории, его голова обычно слегка поворачивается влево

с незаметной улыбкой на лице. Потеря качества изображения также неудержима и красива.

Он понял, что сказал пользователь сети, и он был действительно привлекательным. Но кто бы мог подумать, что этот человек, который только что обсуждал [общую моральную рациональность и моральную автономию] на сцене, по-мальчишески сунул ему в руку сахар.

Очарование Чжоу Цзихэна – это смесь двух совершенно разных темпераментов, юношеского здравомыслия и зрелого мужского, единственное сходство которых – мягкость. Детская мягкость или спокойная мягкость.

Сицин не мог удержаться, чтобы не нарисовать ему ещё одну картинку. В правом верхнем углу – светящийся проекционный экран. В центре картинки он одной рукой придерживает трибуну, слегка улыбаясь, и просто наносит немного акварели. Ся Сицин опубликовал фотографию на Weibo. Его Weibo быстро взорвался, окружённый большой группой поклонников.

[Я люблю бобы – лучшая атака индустрии развлечений: Трахни миссис Фейри, рисующую онлайн!]

[Я хочу съесть сахар: @Zhou Ziheng приглашает вас в Zhihu, чтобы ответить на вопрос: «Каково это – влюбиться в художника?» В чём проблема.]

[Хэнхэн Мост А: Это та сцена, где Цзихэн выступает перед? Я всё ещё смотрел только что! Картина моей жены такая красивая. 5555]

[Я тоже собираюсь сегодня заняться самообразованием: Какую жену ты кричишь? Это миссис Чжоу.]

[Девушка-самоучка Чун Дак: Хахахахаха, миссис Чжоу.]

[Может быть, вы занимаетесь самообразованием: Хахахахахахахаха, госпожа Чжоу в полном отчаянии!]

Стиль комментария становился всё более и более предвзятым, и аура Ся Сицина исходила не из одного места.

Эти маленькие девочки настолько наивны, что решили напасть, основываясь на своём росте и внешности.

Солнце постепенно садилось, и срочные сообщения Ся Сюцзэ следовали одно за другим. Ся Сицин знал, что ему не сбежать. Он переоделся в тёмно-голубую рубашку и положил в багажник новейшую игровую приставку AR* от Ся Чжисю, которую он купил для него давным-давно. Поехал в место, которым Сюцзэ поделился в WeChat.

[{* Дополненная реальность (augmented reality, AR) – технология, которая позволяет добавлять виртуальные объекты к тому, что люди видят в реальности.}]

Этот магазин является частным рестораном, специализирующимся на кухне Хуайян*. Место немного отдаленное. Окружающая среда первоклассная в столице, где каждый цунь земли – это золота. Как только вы входите, перед вами также открывается внутренний двор с текущей водой и причудливыми цветами. Они также были здесь однажды на дне рождения Сюй Цичэня раньше.

[{* Хуайянская кухня – разновидность китайской традиционной кухни, родом из провинции Цзянсу. Для хуайянской кухни характерно, что в основе каждого блюда лежит его основной ингредиент. Способ нарезки этого ингредиента имеет решающее значение для его приготовления и конечного вкуса. Кухня Хуайян, как правило, имеет слегка сладковатый привкус и почти никогда не бывает острой. Свинина, курица и продукты из пресноводных вод служат белковой основой для большинства блюд.}]

Прежде чем выйти из машины, Ся Сицин выкурил сигарету в машине. В конце концов, это был день рождения его младшего брата, и он не хотел делать его слишком уродливым. Кто знал, что как только он припаркует свою машину и сделает два шага к двери, он увидит Ся Сюцзэ, в школьной форме и куртке, повязанной вокруг талии, который махал рукой и кричал на своего брата с большого расстояния.

Видя его волнение, Ся Сицин немного подавил обиду в своём сердце и подошёл, чтобы бросить подарок, который держал в руке, в его объятия.

— Возьми это, последняя модель.

Ся Сюцзэ был так счастлив:

— Я сказал Ся Чжисю не отдавать его мне раньше.

— Ты не знаешь, как называть брата, Ся Чжисю, Ся Чжисю. – Ся Сицин с улыбкой выпустил дым. — Кто это тебя так называет?

— Но ты так это называешь, и ты называешь его своим старшим племянником. – Голос Ся Сюцзэ ослаб, и, как и ожидалось, брат погладил его по голове.

— Я – это я, а ты – это ты, может ли это быть одним и тем же?

Ся Сюцзэ быстро снова бесстыдно завернул это, держа Ся Сицина за руку и рассказывая ему все забавные вещи, которые произошли с ним в последнее время. Эта проблема не изменилась с тех пор, как он был ребёнком, как будто Ся Сицин был его фабрикой по переработке шуток.

Отдельный номер, который они забронировали, был самым дорогим «номером Шуйюнь» во всём отеле. Там был небольшой бамбуковый лес, отделённый от отдельных номеров в других залах. В номере Шуйюнь были только восточное и западное отделения. Семья Ся забронировала восточное крыло.

Открыв дверь частной комнаты, Ся Сицин увидел Ся Юнцая, сидящего на верхнем сиденье. Он, казалось, не сильно изменился. Он был немного старше и худее. В последний раз Сицин видел его, когда вернулся домой с Рождества годом ранее. Они случайно встретились в элитном отеле и даже не сказали ни слова.

— Поехали, садись. – Ся Юнцая всё ещё улыбался, когда говорил, и те, кто не знал, подумали бы, что он действительно любящий отец. Однако чем старше он становился, тем больше Ся Сицин обнаруживал, что он становится всё менее и менее агрессивным, подобно старому псу, побеждённого временем, ожидающему того дня, когда ему останется только выжить.

Когда Ся Сицин думал об этом, он чувствовал себя смешным, а не грустным.

Вернувшись домой, он не стал обсуждать это, поэтому отдал четверть акций компании Ся Сицину. Он необъяснимым образом стал одним из основных акционеров. Сицин не знал, о чём думал этот старик. Трудно рассчитывать, что он умрёт в преклонном возрасте.

Ся Сицин сел без всякого выражения лицом к Ю Фаньюэ. Она была специально наряжена драгоценностями, но независимо от того, сколько драгоценностей она собрала, независимо от того, насколько изысканным был её макияж, она не могла скрыть вульгарность в своих костях.

У Ю Фаньюэ хорошее лицо. Как бы сильно она ни старалась не видеть Ся Сицина, ей приходится использовать всё своё поверхностное искусство.

— О, я давно не видела Сицина. Я не буду говорить, что вернусь домой поесть, когда вернусь. Твой папа скучает по тебе.

Слушая эти давно забытые слова, Ся Сицин медленно расстегнул манжеты, поднял глаза, чтобы показать ей многозначительную улыбку, подняв глаза:

— Прошло много времени с тех пор, как я тебя видел. Я помню, когда я видел тебя в последний раз, ты выросла не такой. – Он вздохнул, взяв пальцами чашку чая, налитую на стол, и подул.
— У меня есть друг, который сделал пластическую операцию. Позволь ему снять кожу для тебя?

Чего Ю Фаньюэ больше всего боялась, так это того, что её лицо постареет. Слова Ся Сицина были жестоки к ней, сердиты и заблокированы, но она не смогла найти ничего, чем можно было бы опровергнуть.

У Ся Сицина хватило духу ответить на её слова, но в присутствии Ся Сюцзэ он не потрудился произнести это.

Ся Сюцзэ был единственным за всем обеденным столом, кто продолжал говорить, как будто боялся, что если он промолчит, остальные поссорятся, если он возьмёт пустую кружку.

— Сицин, когда ты будешь свободен, тебе всё равно придётся прийти в компанию. — Ся Юнцай намазал для него овощную палочку и положил в миску.

Ся Сицин посмотрел на тарелки в миске, у него больше не было аппетита. Он не мог видеть того, кто притворялся перед ним больше всего.

— Пойти в компанию? Неужели ты думаешь, что не сможешь дождаться, когда твой младший сын унаследует семейный бизнес?

Это предложение было крайне неприятным. Ю Фаньюэ собиралась что-то сказать, но Ся Юнцай протянул руку, чтобы остановить её. Он, казалось, не рассердился, но сказал легко:

— Если у твоей семьи есть великое дело, ты не можешь полагаться на своего брата в поддержке его в будущем. — Он сделал паузу. — Я знаю, твоя мать отдала тебе в своё распоряжение все художественные музеи и галереи, и ты не будешь беспокоиться об этом до конца своей жизни...

— Зачем ты упомянул её? — Ю Фаньюэ, наконец, не выдержала и сердито высказалась.

— Сейчас ваша очередь разговаривать с посторонним человеком? — Ся Сицин легонько постучал пальцами по краю цветной фарфоровой миски, посмотрев на Ю Фаньюэ своими глазами.

— Одзава, я заказал для тебя торт. Выйди и спроси.

Ся Сюцзэ вздохнул, послушно встал и услышал, как голос его матери резко оборвался:

— Остановись! Если он попросит тебя выйти, ты выйдешь?

Он был ошеломлён на месте, пока Ся Сицин, который сидел на сиденье рядом с ним, не протянул руку и слегка не похлопал его по ноге, а затем он без колебаний вышел из отдельной комнаты.

— Ты! Ты возвращайся ко мне!

Ся Сицин лицемерно изобразил сочувствие:

— Жаль, что ваш сын слушает только меня. Собственность этой семьи принадлежит мне, и даже сын, которого ты родила в октябре, принадлежит мне.

Это предложение – самая большая сердечная болезнь Ю Фаньюэ. Она дрожала от гнева, указывая на Ся Сицина, и ругалась:

— Ты такой же нерв, как твоя мать...

Ся Сицин плеснул ей в лицо, прежде чем было закончено последнее слово. Горячий чай, мокрые волосы, прижатые к лицу, сделали её крайне смущённой.

— Я давно хотел выпить за вас с этой чашкой чая. Но Ся Сюцзэ всегда неудобно находился здесь. – Ся Сицин играл с чайной чашкой в руке, говоря мягким тоном. — Только потому, что я показываю ему лицо, не означает, что я отношусь к тебе как к человеку.

— Забудь об этом, Сицин. – Ся Юнцай отговорил Ся Сицина старомодным видом, но это заставило его рассмеяться.

Ся Сицин поднял на него глаза, уголки его рта приподнялись:

— Какого хорошего отца ты здесь разыгрываешь? Когда ты отправил меня в больницу, почему ты не сказал «забудь об этом» и не спас мне жизнь?

— В прошлом мой отец не был хорошим. Когда я был молодым и преуспевающим, я всегда...

— Не ищи оправданий. – Ся Сицин посмотрел вниз на свои пальцы, и на них было немного красной краски, похожей на пятно крови, что было странно и ослепительно. — Подонок есть подонок, и подонок тоже подонок, когда он стар.

Сказав это, он поднял голову и снова улыбнулся:

— Я говорю о себе, не принимайте это на свой счёт.

Ся Сюцзэ вернулся, держа торт в руке, и увидел, что Ся Сицин всё ещё находится в отдельной комнате, послушно и с любовью улыбаясь:

— Брат, ты не ушёл.

— Я не уходил, я жду тебя. – Когда Ся Сюцзэ сел, Ся Сицин протянул руку и похлопал его по

плечу. — Я на год старше, не будь больше похож на ребёнка.

— Тогда я ребёнок по сравнению с тобой. — Ся Сюцзэ с радостью вставил свечу и даже не заметил, что лицо его матери было покрыто грязными пятнами от воды.

Видя Ся Сюцзэ таким счастливым, Ся Сицин внезапно почувствовал себя немного неловко. В этой больной семье только Ся Сюцзэ простой и добрый, что само по себе очень иронично.

— Я собираюсь выйти покурить.

— Брат...

— Я скоро вернусь, оставь мне кусочек торта. — Ся Сицин открыл дверь.

Когда он вышел, кто-то, казалось, вышел из другой комнаты и столкнулся с ним лицом к лицу.

Мужчина был одет в одежду известной марки, и выглядел он разумно, но его темперамент был слишком сальным, а походка выдавала молодого хозяина.

Собеседник некоторое время пристально смотрел на него. Если бы это произошло в прошлом, Ся Сицин всё ещё чувствовал бы себя озадаченным, но теперь, когда шоу транслируется, на него часто пялятся, когда он идёт по дороге, он давно привык к этому.

Дойдя до другого конца бамбукового леса, Ся Сицин взял сигарету, но снаружи дул ночной ветерок, и на то, чтобы прикурить, ушло много времени, что сделало его ещё более раздражительным.

Листья бамбукового леса колыхались на ветру. Сквозь просветы Ся Сицин, казалось, увидел знакомую фигуру, стоящую на набережной Чжугэ. Этот темперамент был очень похож на Сюй Цичэнь.

Он не смог удержаться, повернул голову и посмотрел на него. Это действительно был Сюй Цичэнь, стоявший у перил на набережной.

— Цичэнь.

Сюй Цичэнь повернул голову и улыбнулся в тот момент, когда увидел Ся Сицина:

— Эй, почему ты здесь? Это такое совпадение.

Всякий раз, когда он видел Сюй Цичэня, это было радостно. Ся Сицин подошёл, встав снаружи

коридора, облокотившись на алые перила:

— Что ты делаешь?

— О, это общение. Просто рассеянный.

— Ждёшь? - Ся Сицин поднял лицо, посмотрев на Сюй Цичэнь. — Ся Чжисю, этот парень пришёл не за тобой.

Сюй Цичэнь был немного смущён:

— Я сказал ему не приходить, он должен прийти, и, вероятно, уже почти пришёл.

— Тск-Тск-Тск... - Ся Сицин ткнул Сюй Цичэнь в талию, — Скользкий.

Сюй Цичэнь боялся щекотки, поэтому схватил его за руку и спрятался на некоторое время, смеясь как ребёнок, чем больше, тем больше Ся Сицину хотелось подразнить его:

— Не прячься от тебя.

— Что ты делаешь? - Спросил кто-то.

Рука Ся Сицина задрожала. Разве это не голос Чжоу Цзихэна? Склонив голову набок, разве это не Чжоу Цзихэн столкнулся лицом к лицу с руками в карманах?

Ся Сицин также был озадачен, как Чжоу Цзихэн мог бить его каждый раз, когда он играл с другими.

Капюшон закрывал большую часть лица Чжоу Цзихэна, и он не мог ясно видеть выражение. Ся Сицин собирался объяснить, но Сюй Цичэнь перехватил инициативу:

— Вы двое так хорошо знакомы, что мне не нужно вас представлять.

— Кто с ним знаком? - Спросил Цзихэн.

Ся Сицин прислонился к перилам, как хулиган, и вскоре понял кое-что ещё из слов Сюй Цичэня:

— Нет, ты представляешь это? Ты только что с ним ужинал?

— Совершенно верно. - Сюй Цичэнь рассмеялся. — Говорили о сценарии.

— Ты хочешь, чтобы он снова сыграл роман, который ты написал?

Ся Сицин обнаружил, что у Сюй Цичэня в углу одежды завязка, поэтому он протянул руку и потянул за неё, готовый разорвать зажигалкой.

— Нет, на этот раз это оригинальный сценарий.

Чжоу Цзихэн кашлянул, а Сюй Цичэнь рассмеялся с большой проницательностью:

— Тогда что, меня всё ещё ждут люди, мне нужно идти, вы, ребята, поговорите первыми.

— Эй... - У Ся Сицина не было времени тянуть время, поэтому Сюй Цичэнь ушёл, не оглядываясь.

Он нахмурился и снова повернул голову, чтобы посмотреть на Чжоу Цзихэна:

— Ты сказал, что ты не разочаровываешь, я просто немного поговорил.

Чжоу Цзихэн также облокотился на перила, протягивая руку, чтобы забрать выпущенную ограниченным тиражом зажигалку из руки Ся Сицина:

— Я не вижу, что ты достаточно осторожен.

Ся Сицин знал, что он только что говорил о том, чтобы дать Сюй Цичэню нить. Он нашёл это забавным:

— Если нить натянута, я покажу её ему.

— Поднять это? - Чжоу Цзихэн поднял брови.

Ся Сицин ущипнул Чжоу Цзихэна за подбородок:

— Все они говорят, что к еде прилагаются бобы любви, почему я думаю, что твой рот становится всё более и более непринуждённым со мной?

Чжоу Цзихэн торжественно сжал его запястье:

— Поцелуй заразителен.

— Убирайся отсюда. - Просто говоря об этом, ты не можешь целоваться небрежно на улице. Ся Сицин счёл это скучным, отпустил руку, державшую его за подбородок, надавил на перила и перелетел.

Боясь, что он упадёт, Чжоу Цзихэн протянул руку, чтобы поддержать его за талию. Прежде чем он коснулся его, Ся Сицин быстро схватил его за запястье с улыбкой на лице:

— Не прикасайся ко мне.

Чжоу Цзихэн только что вспомнил, что у него на талии был шрам, и он не знал, что его рана открылась давным-давно.

— Куда ты пойдёшь позже? - Спросил Ся Сицин.

— Возвращаюсь домой.

Ся Сицин зацепил его лодыжку ногой:

— Кстати, отведи меня к тому красивому парню.

Чжоу Цзихэн протянул руку и заправил лишнюю прядь его волос за уши:

— Разве ты не вернёшься и не отпразднуешь день рождения своего брата?

Ся Сицин осторожно наступил на кроссовки Чжоу Цзихэна, опустив глаза:

— Я давно хотел сбежать, я такой отвратительный.

Чжоу Цзихэн схватил его за запястье, и Ся Сицин поднял голову, чтобы посмотреть на него.

Холодный лунный свет скользнул за край его шляпы и отразился в этих глубоких и сильных глазах, как тень луны, падающая в сердце озера, и его потащило вперёд таким образом.

— Куда идти?

— Бежим.

Автору есть что сказать:

Брат: Я хочу оставить торт для моего брата.

Чучу: Твой брат сбежал с твоим братом Цзихэном.

Брат: Ты иди.jpg

Чучу: Кожевенная фабрика в Цзяннани закрылась, Чжоу Цзихэн сбежал с твоим братом!

Брат, который быстро ускользнул: Громко плачет.

Но когда эти двое влюблены друг в друга сильнее, чем другие, это действительно страшно.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284190>